

предполагает дополнение и соответствие, она представляет собой единство двух половин, она складывается из верхнего и нижнего, из небесного и земного полушарий, которые составляют целое таким образом, что все, что есть наверху, есть и внизу, а все, что происходит на земле, повторяется на небе, и небесное вновь обретает себя в земном. Это взаимодействие двух половин, образующих вместе целое и сливающихся в округлый шар, равнозначно их взаимозамене, то есть вращению» (Манн, 1968, 1, с. 193). Это замечание как бы проясняет механизм алхимического символотворчества. Вращающаяся сфера — залог и основание оборотнических повторений. Остановленная сфера — симметрическое подобие. Полусфера — требование отсеченной дополнительности и отсеченного соответствия. Взаимоотраженность верха и низа. И все же: замкнутость герметического космоса, вещественная его предметность. Но аскетизм Александрийской алхимии окорачивает это многообразие: двуполовинность при сохранении целого.

Возвращение к исходной точке — «*на круги своя*». При этом начало отсчета — любой предмет алхимического ряда, при символотворческом движении мысли удваивающийся, но и сохраняющий единство в этом удвоении. Отсюда тайна взаимозаменяемости, всегда очевидная, но никогда не разгаданная в вечном круговороте повторений. Остановок нет. Финализм неалхимического христианского средневековья переиначен в алхимическом круговом возврате. Релятивизм положений — и здесь, и там — существенный момент алхимического мифа¹⁵.

Но образец-подобие вместе с земным прототипом вызван к жизни не произвольно. Это — целеустремленное образсозидающее творчество адепта, истово понуждающего небесное к взаимодействию с земным. Магией тайного слова и ремесленного жеста небесное низводится до земного: *серебро* становится *Луной*. Алхимическое бытие становится прозрачным от многократных повторений и возвращений прообразов. Многократно повторенная первичность. Именно это обстоятельство сохраняет равновесие между алхимическим образом-монстром и культурным образом, чем и становится этот образ, предназначенный культурой для служебного, так сказать, пользования.

Алхимический символ в отрыве от обозначаемого вырождается в знак, немой и бесстрастный. Воплощенная суть дела, которая молчит, потому что хочет быть понятой.

Однако прежде, нежели понять, необходимо узнать одно в другом, не путая при этом одно с другим. Разнотчие обязательно. Оно есть следствие живой неточности алхимического символа. *Луна* — *серебро*, но еще и просто *Луна*. Ночная и лунная улыбка *Тота-Гермеса*. Символ

¹⁵ «Шар катится, и никогда нельзя будет установить, где берет свое начало какая-то история — на небе или на земле. Истине служит тот, кто утверждает, что все они соответственно и одновременно разыгрываются здесь и там, и только нашему глазу кажется, будто они опускаются и вновь поднимаются... то, что вверху, опускается вниз, но то, что происходит внизу и не смогло бы случиться, оно, так сказать, не думалось бы до себя без своего небесного образца и подобия» (с. 399, 400)